УДК 1(091)

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2017-4/108-114

Ф.Е. Ажимов, В.В. Леонидова*

ИМПЛИЦИТНАЯ ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ Ю. КРИСТЕВОЙ: ОПЫТ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОСТМОДЕРНИСТСКИХ КОНЦЕПЦИЙ**

Постмодернистская философия, заявляющая о своей «неклассичности», согласно расхожему мнению, не имеет не только историко-философских оснований, но и свойственной всем основным философским концепциям историко-философской картины. По мнению авторов, во-первых, история философии является неотъемлемым элементом любой философской концепции, что доказывается на примере «имплицитной» истории философии Ю. Кристевой. Во-вторых, любая философская концепция, в свою очередь, является результатом эволюции предшествующей истории философии. В данной статье авторы раскрывают историко-философскую модель Ю. Кристевой через понятия диалогизма, катарсиса и освобождения от отвратительного.

Ключевые слова: Ю. Кристева, история философии, Ж. Деррида, М. Бахтин, философия диалога, катарсис, психоанализ

Julia Kristeva's implicit history of philosophy: an attempt of postmodernist concepts interpretation. FELIX E. AZHIMOV, VITALINA V. LEONIDOVA (Far Eastern Federal University)

According to popular opinion, postmodern philosophy, claiming its “non-classic nature”, does not have grounds in the history of philosophy. According to the authors, the history of philosophy is an integral element of any philosophical concept, which is proved by the example of Julia Kristeva's «implicit» history of philosophy. The authors reveal Kristeva's model of the history of philosophy through the concepts of dialogism, catharsis and the abjective.

Keywords: J. Kristeva, history of philosophy, J. Derrida, M. Bakhtin, philosophy of dialogue, catharsis, psychoanalysis

Понимание историко-философского процесса в постмодернизме можно определить принципами деконструкции, которая, как известно,

является ключевым методом анализа и критики метафизических систем прошлого. В рамках деконструкции знание не имеет какого-либо

*АЖИМОВ Феликс Евгеньевич, доктор философских наук, директор Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: azhimov.fe@dvfu.ru

ЛЕОНИДОВА Виталина Владимировна, кандидат философских наук, доцент Департамента философии и религиоведения Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: leonidova.vv@dvfu.ru

© Ажимов Ф.Е., Леонидова В.В., 2017

** Работа выполнена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – докторов наук. Проект № МД-7135.2016.

устойчивого исторического смысла, представляет собой культурный текст, дискурс, существующий, во-первых, только в пространстве интерпретации, то есть субъективно, и значит, во-вторых, только как нечто, связанное с другими текстами и не принадлежащее конкретной эпохе или контексту. Субъект знания, в свою очередь, встроен в сам процесс интерпретации, неотделим от интерпретируемого текста (см. напр.: [5, с. 124-133]).

В этом отношении философия едва ли может рассматриваться в постмодернистском контексте как объективное исторически развивающееся целое. Однако методологическое состояние современной истории философии [1; 2; 9; 10; 11; 12; 13] свидетельствует о невольном созвучии историко-философского и постмодернистского дискурсов. Плюралистический характер исторических подходов к философии, который сегодня определяет панораму историко-философской науки, как будто бы отвечает постмодернистскому развенчанию познавательного стремления к достижению окончательного объективного знания.

Различие состоит в том, что если в историко-философской науке концептуальный плюрализм воспринимается как проблема [10, с. 21; 12, с. 242], решение которой следует искать, то в постмодернистской философии плюрализм является принципом познания. Современные подходы к истории философии свидетельствуют о попытках в той или иной степени совместить историческое многообразие философии с возможностью ее целостного концептуального представления. В постмодернистской философии, напротив, важно выявление как можно большего набора интерпретаций знания.

Учитывая данные обстоятельства, мы не найдем в постмодернистской мысли научных «историко-философских концепций», однако трудно отрицать у постмодернистских философов наличие историко-философских взглядов. Сам характер постмодернистской философии дает нам санкцию на интерпретацию ее работ в качестве историко-философских. Данная интерпретация, конечно, не будет ключевой для постмодернистского дискурса, и выявленные историко-философские смыслы следует признать скорее имплицитными. Тем не менее, имплицитная история философии – это тоже неотъемлемая часть философии как всегда продолжающегося процесса [1, с. 31], а, следовательно, и часть историко-философской науки.

Для раскрытия имплицитной истории философии постмодернизма мы обратимся к рабо-

там французского автора Юлии Кристевой. В ее творчестве есть труды, посвященные конкретным мыслителям (например, М.М. Бахтину), а также присутствует концептуальный подход к видению развития философии в контексте проблемы отчуждения другого.

Возможность прочтения сочинений Ю. Кристевой как историко-философских мы видим в следующих содержательных моментах ее трудов. Одной из задач философской мысли она признает преодоление отвратительного, конституирующего бытие субъекта: «катарсис оказывается неотъемлемой задачей философии» [8, с. 65]. Этот процесс носит исторический характер: «Поэтический катарсис, который окажется в роли младшей сестры философии и в непримиримой оппозиции к ней в течение двух тысяч лет, отдаляет нас от чистоты, а значит, и от той кантовской морали, которая долго управляла современными заповедями и осталась верной своеобразному стоическому платонизму». Историческую линию философской мысли Ю. Кристева выстраивает именно через анализ развития катарсической функции философии, которая, по мнению французской мыслительницы, зарождается у Платона и находит завершение в психоаналитической теории. Второй момент связан с изучением Ю. Кристевой идей М.М. Бахтина, в контексте анализа которых она репрезентирует идею русскости как варианта феномена «друговости», концептуализируя в ней представление о типах интеллектуальной мысли, иных по отношению к западному интеллектуальному типу дискурса.

Теперь попытаемся интерпретировать «историко-философские» взгляды Ю. Кристевой, опираясь на две ее известные работы. Первая, посвященная творчеству М.М. Бахтина, «Бахтин, слово, диалог и роман» (1967) [7], относится к ранним работам, вторая – «Силы ужаса: эссе об отвращении» (1982) [8], в которой она вводит в дискурс постмодернизма такие понятия как «отвращение», «матереубийство», «выблевывание», считающиеся комментаторами ключевыми для ее философии [6].

«Историко-философская» стратегия, которой следует Ю. Кристева, состоит в критике универсализма, выраженного в традиционной метафизике, языке и других культурных практиках, направленных на вытеснение другого. Как отмечает в этой связи комментатор Ю. Кристевой И. Жеребкина, «самым парадоксальным итогом творчества Ю. Кристевой с ее радикальной, впервые введенной в западную метафизику

философией материнского (с ее «выблеванными» «силами ужаса»), строящей свои радикальные и «вульгарные» философские дискурсивные стратегии как стратегии отвратительного («выблевывание матери» как «выблевывание» всех возможных типов универсализма — от традиционной культуры и языка до традиционной политики)» [6, с. 34].

В ранний период творчества французского мыслителя мы находим отражение ее историко-философских взглядов в анализе трудов М.М. Бахтина [7]. Разбирая лингвистическую концепцию русского мыслителя, Ю. Кристева показывает, как в современном философском дискурсе развиваются понятия интертекстуальности, диалогизма, письма, противостоящие традиционному пониманию слова как монологического повествования, за которым стоят такие традиционные формы дискурса, как теологический и метафизический. К творчеству М.М. Бахтина французский философ обратилась неслучайно. В идеях, подобных бахтинским, Ю. Кристева находит основания для критики западной интеллектуальной традиции. «С первых, семиотических работ интенсивно использованное понятие «русскости» (в виде философии телесного низа Бахтина или экзистенциально-революционного языка русских формалистов), с самого начала направленные — тем самым — против западных дискурсивных норм и для которых Кристева позже, кроме «выблевывания» (материнского тела) вводит специальное понятие «матереубийства»» [6, с. 27].

Интерпретация письма (слова) М.М. Бахтиным выводит его идеи, по мнению Ю. Кристевой, из пространства обычного опредмеченного объективированного письма в пространство дискурса [7, с. 429, 432], в котором текст является диалогом различных текстов, происходит взаимодействие автора и другого, выход текста в культурное и историческое окружение. Основное открытие, сделанное М.М. Бахтиным, — это признание текста результатом цитаций и трансформаций других текстов. Ю. Кристева пишет, что у Бахтина «...на место понятия интерсубъективности встает понятие интертекстуальности...» [7, с. 429]. Текст — это другой, под которым может пониматься иной текст, культурный контекст, история, с которыми (а также между собой) вступают в диалог автор и читатель, превращая тем самым текст в *дискурс*. Следуя за М.М. Бахтиным в понимании текста [3, с. 66; 14, с. 88] и обозначая его термином интерсубъективность, Ю. Кристева встраивает бах-

тинскую концепцию в постструктуралистскую традицию, что соответствует, как подмечено ею самой и её комментаторами, желанию французской исследовательницы вводить в западный философский дискурс «мигрантское», чужеродное начало, к которому она же сама и принадлежит в силу своего восточноевропейского происхождения [6, с. 31-32].

М.М. Бахтин выделяет два типа дискурса: монологический и диалогический. В разделении этих дискурсов Ю. Кристева усматривает противопоставление логики культуры традиционной, метафизической, ставшей, абсолютистской логике культуры карнавальной, становящейся, рождающейся в пространстве диалога с другим [7, с. 443]. К традиционному монологическому дискурсу относятся эпическое повествование, научный и исторические дискурсы, к диалогическому — карнавал, мениппея, полифонический роман [7, с. 441-442]. В традиционном монологическом дискурсе скрыты субстанциальность, нормативность, запрет, вытеснение всего ненормативного, логика единичного, апеллирующая к «божественному», «социальному», это дискурс официальной культуры. В диалогическом дискурсе нарушается логика причинности, субстанциальности [7, с. 436], открывается «другой» — неофициальное, ненормативное, взаимодействуют между собой различные уровни и тексты культуры. В философии монологический дискурс воплощен в формальной аристотелевской логике, выражающейся в казуальности, иерархичности, субстанциальности, диалогизм преодолевает оппозиционность традиционной логики представлением о языке как о взаимосоотнесенных текстах [7, с. 450]. М.М. Бахтин, концептуализируя проблему диалогизма в идеях карнавала, полифонического романа, открывает возможность для другого. Феномены карнавала, в котором выражает себя неофициальная ненормативная культура, полифонический роман, являющийся пространством встречи автора, героев и читателя, мениппея, представляющая собой некую практическую философию жизни, решающую последние вопросы бытия [7, с. 447-448] — все эти формы суть разрушающие онтологическую целостность субъекта, погружающие его в различные контексты, оппозиции, разрывы культурного пространства. «Диалогизм мениппейных слов непосредственно является такой практической философией, которая вступает в схватку с идеализмом и с религиозной метафизикой (с эпосом): он есть не

что иное, как социально-политическая мысль эпохи, полемизирующая с теологией (с законом)» [7, с. 448]. Диалогизм тем самым снимает идею вытеснения другого, наблюдаемую в традиционных дискурсах. Интерпретацию Ю. Кристевой творчества М.М. Бахтина, русского мыслителя, можно трактовать как часть ее имплицитной истории философии, в которой бахтинские идеи диалогизма выступают альтернативой традиционному западному философскому дискурсу. Сам М.М. Бахтин, «отпрыск революционной России» [7, с. 432], для Ю. Кристевой есть символ философской коммуникации, рожденной в условиях острых социальных коллизий, побуждающих обращаться к проблеме другого и превращающих язык из метафизического в социальное начало. Социальность, историчность, широкое бесконечное пространство диалогизма делает его «основой интеллектуальной структуры нашего времени», тяготеющего к интертекстуальным формам мысли [7, с. 454].

Еще один вариант проблемы вытеснения другого представлен в более позднем сочинении французского автора «Силы ужаса: эссе об отвращении» [8]. В этой работе Ю. Кристева совершает небольшой экскурс в историю философии с позиций психоанализа. Французский философ использует психоаналитический метод в качестве инструмента для анализа *отвращения* – «фундаментальной» проблемы общества [8, с. 63], которую, как считает Ю. Кристева, оно научилось вытеснять. Через отвратительное происходит становление, в том числе телесное, субъекта, но в дальнейшем оно должно быть исключено из процесса его развития [4]. В философии психоаналитика интересует логос как вариация преодоления отвратительного посредством интеллектуального очищения сознания субъекта. Проблему очищения сознания впервые осознал Платон, заинтригованный, по словам Ю. Кристевой, вопросом противопоставления аполлонийского и дионисийского культов [8, с. 64].

Итак, философия есть логос, в котором посредством катарсиса возможно очищение от отвратительного, от нечистоты. У Платона оно совершается либо посредством постижения интеллектуальной истины и освобождения от материального, либо посредством моральных действий. Ю. Кристева, комментируя платоновский идеализм, приходит к выводу, что все же последней инстанцией очищения является разум – «в трансцендентальном идеализме ка-

тарсис превращается в философию» [8, с. 64]. Философия тождественна интеллектуальному катарсису, в платоновском варианте она есть чистый интеллектуальный акт. Задача философии – очистить от отвратительного, *отделив* субъект от него телесно и духовно.

Противоположную платоновской концепцию предлагает Аристотель. По мнению Ю. Кристевой, Аристотель противопоставляет платоновской смерти, как условию чистоты, акт поэтического очищения, в котором защита от отвратительного происходит через погружение в него. Чистому философскому размышлению противопоставляется сексуальный дискурс: душа и тело, погружаясь в оргию посредством эстетических практик, приводят субъекта в конечном итоге к гармонии [8, с. 64]. Отвратительное здесь не уничтожается, но снимается гармонизацией телесного и духовного. «Речь идет об очищении души и тела в едином и комплексном кругообращении «желчи» и «огня», «мужского жара» и «воодушевления» «интеллигенции». Размер и пение будят таким образом нечистоту, оборотную сторону интеллигенции – страстно-телесно-сексуально-потенциальную – но приводят его к гармонии, обращаются с ним иначе, чем знание мудреца» [8, с. 64].

Аристотелевский поэтический катарсис и стоический платонизм образуют две оппозиционные линии в истории мысли, которые были, по словам Ю. Кристевой, непримиримы в течение двух тысяч лет [8, с. 65]. Далее они воплощаются в кантовской морали, в которой очищение от отвратительного осуществляется в этическом воспитании сознания, и в гегелевском идеализме, близком аристотелевскому пафосу в своем признании фундаментальной неустранимости отвратительного, видящем момент его снятия в историческом акте заключения в упорядоченные социальные формы.

И. Кант считает отвратительное скверной, сексуальной по происхождению, от которой следует освободиться, философско-этическим актом сознания подчинив отвратительное [8, с. 65]. Г. Гегель, по мнению Ю. Кристевой, видит, как и И. Кант, в отвратительном сексуальную нечистоту, однако не признает дихотомию духовного и телесного, но считает, что отвратительное диалектически конституирует сознание и оно снимает себя само в акте брака («в истории») [8, с. 66].

Однако в гегелевской мысли, не воспринявшей оргиастический катарсис Аристотеля, философское очищение остается незавершенным,

так как отвратительное, которое снимается развитием идеи, уходит в подсознание [8, с. 66], в молчание и печаль в терминах Ю. Кристевой. Из подсознания отвратительное извлекается уже психоанализом.

Психоанализ Ю. Кристева считает близким по своему характеру аристотелевскому поэтическому пути очищения. Интерпретация психоаналитика схожа с миметическим характером катарсиса в аристотелевском смысле: через обращение к аффектам происходит их экспликация, переживание и гармонизация, подобные тому, что мы видим в эстетическом катарсисе [8, с. 67]. Таким образом, психоанализ в понимании Ю. Кристевой преодолевает разрыв, образовавшийся в истории философии в связи с пониманием взаимоотношения отвратительного и идеального.

Итак, философская проблема, к которой обращается Ю. Кристева, осуществляя историко-философский анализ – это взаимоотношение отвратительного и чистого, дионисийского и аполлонического. Указанную дихотомию можно рассматривать как вариант фундаментального философского вопроса о материальном и идеальном, однако взятом в психоаналитическом контексте и приобретшем в связи с этим сексуальные коннотации. Решение этой дихотомии в платоновском духе в истории философии инициировало мораль и социальные практики, построенные на вытеснении сексуального как главной формы отвратительного, поскольку процесс освобождения от отвратительного был увязан с очищением от телесной и, в первую очередь, сексуальной нечистоты.

Выводы, которые можно сформулировать, исходя из рассуждений Ю. Кристевой, следующие. История философии является частью культурного процесса по продуцированию способов преодоления отвратительного. В этом смысле она есть проявление западной модели культуры, построенной на подавлении и вытеснении. Философия как историческая форма породила три вида катарсической практики преодоления отвратительного: интеллектуальный катарсис (платоновский вариант), интеллектуально-телесный катарсис (аристотелевский вариант), интеллектуально-социальный катарсис (гегелевский вариант).

Итак, имплицитную историю философию Ю. Кристевой раскрывают понятие диалогизма и отвратительного. Диалог и идея вытеснения отвратительного характеризуют ключевые содержательные моменты истории мысли. Про-

блему вытеснения отвратительного можно трактовать как одну из форм отчуждения другого, идея которого воплощена в истории философии, являющейся частью западных дискурсивных норм. Диалогизм здесь является философской практикой возвращения и принятия другого.

В истории мысли проблема преодоления отвратительного получила два пути решения. Первый, связанный с интеллектуальным катарсисом и победой с последующим тысячелетним довлечением над философской мыслью трансцендентального идеализма, соединил процесс освобождения от отвратительного с телесной чистотой и постижением интеллектуальной истины. Второй путь, изначально воплотившийся в катарсической концепции Аристотеля, предполагал гармоничное соединение аффективного и интеллектуального начал в эстетическом переживании аффектов. Как следует из трактовки Ю. Кристевой, философия пошла по первому, платоновскому пути развития, найдя законченное выражение в трансцендентальном идеализме И. Канта. В рамках него отвратительное осуждается как сексуальная нечистота, которую следует подчинить развитием сознания. Линия осуждения находит продолжение у Гегеля, который предлагает снимать сексуальную нечистоту в социальной практике брака, что проблему не снимает, а только переносит на невербальный уровень бытия, в дискурс молчания.

Отчуждение другого, конституированное в западной мысли, снимается в диалоговых интеллектуальных формах. Их Ю. Кристева разбирает на примере концепции М.М. Бахтина, творчество которого символизирует альтернативную западному философскому дискурсу коммуникативную философскую линию.

Таким образом, историю философии в изложении Ю. Кристевой можно понимать как эволюцию в первую очередь западной мысли, генеральной тенденцией которой является дискурс отчуждения, закрепленный в традиционной метафизике и предстающий в качестве нормативного. Указанные тенденции преодолеваются в современных концепциях, в том числе принадлежащих незападной мысли, к которым Ю. Кристева относит философию диалога, в русском бахтинском варианте, и отчасти свое собственное творчество.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ажимов Ф.Е. Философия: история или теория? Заметки о специфике истории философии // Вопросы философии. 2014. № 9. С. 27-32.

2. Визгин В.П. К обновлению истории философии: размышление ad hoc // *Философский журнал*. 2013. № 2. С. 70-82.

3. Высочина Ю.Л. Концепция «диалогизма» М.М. Бахтина как основание постструктуралистской концепции интертекстуальности Ю. Кристевой // *Филология и человек*. 2016. № 4. С. 63-69.

4. Глушнёва Ю.Д. Теория материнского Юлии Кристевой как стратегия анализа женственности в кинематографе // *Современные проблемы науки и образования*. 2013. № 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_21285904_61776864.pdf

5. Деррида Ж. О грамматологии. М.: Ad Marginem, 2000.

6. Жеребкина И. «Будто матерью блюешь...»: философия материнского Юлии Кристевой // *Силы ужаса: эссе об отвращении*. СПб.: Алетейя, 2003. С. 25-35.

7. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог, роман // *Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму* / Пер. с франц., сост., вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: ИГ Прогресс, 2000. С. 427-457.

8. Кристева Ю. Силы ужаса: эссе об отвращении. СПб.: Алетейя, 2003.

9. Куренной В.А. Полемика профессионалов: конкуренция и опровержение исследовательских программ в современной философии // *Логос*. 2014. №4. С. 106-146.

10. Ойзерман Т.И. Философия как история философии. СПб.: Алетейя, 1999.

11. Просветов С.Ю. Методологические аспекты метатеоретической интерпретации истории философии // *Вестник Бурятского государственного университета*. 2012. №14. С. 19-23.

12. Просветов С.Ю. Социокультурная интерпретация логики развития историко-философского процесса // *Общество и право*. 2013. №1. С. 242-245.

13. Просветов С.Ю. Структура историко-философской парадигмы // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2013. Т. 1. № 2. С. 234-238.

14. Фомин К.А. Трансформация концепции традиции в эстетике постструктурализма (Ю. Кристева, Р. Барт) // *Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Философские науки*. 2015. № 3 (15). С. 84-96.

REFERENCES

1. Azhimov, F.E., 2014. *Filosofiya: istoriya ili teoriya? Zametki o spetsifike istorii filosofii*

[Philosophy: history or theory? Notes on the specifics of the history of philosophy], *Voprosy filosofii*, no. 9, pp. 27-32. (in Russ.)

2. Vizgin, V.P., 2013. *K obnovleniyu istorii filosofii: razmyshlenie ad hoc* [To the renewal of the history of philosophy: thoughts ad hoc], *Filosofskiy zhurnal*, no. 2, pp. 70-82. (in Russ.)

3. Vysochina, Yu.L., 2016. *Kontseptsiya «dialogizma» M.M. Bakhtina kak osnovanie poststrukturalistskoy kontseptsii intertekstual'nosti Yu. Kristevoy* [Michail Baktin's concept of "dialogism" as the basis of Julia Kristeva's poststructuralist concept of intertextuality], *Filologiya i chelovek*, no. 4, pp. 63-69. (in Russ.)

4. Glushneva, Yu.D., 2013. *Teoriya materinskogo Yulii Kristevoy kak strategiya analiza zhenstvennosti v kinematografe* [Julia Kristeva's theory of maternity as a strategy for the analysis of femininity in the cinema]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_21285904_61776864.pdf (in Russ.)

5. Derrida, J., 2000. *O grammatologii* [Of grammarology]. Moskva: Ad Marginem. (in Russ.)

6. Zherebkina, I., 2003. «Budto mater'yu blyuesh'...»: *filosofiya materinskogo Yulii Kristevoy* [Julia Kristeva's philosophy of maternity]. In: Kristeva, J., 2003. *Sily uzhasa: esse ob otrashchenii*. Sankt-Peterburg: Aleteiya, pp. 25-35. (in Russ.)

7. Kristeva, J., 2000. *Bakhtin, slovo, dialog, roman* [Bakhtin, word, dialogue, novel]. In: Kristeva, J., 2000. *Frantsuzskaya semiotika: Ot strukturalizma k poststrukturalizmu*. Moskva: IG Progress, pp. 427-457. (in Russ.)

8. Kristeva, J., 2003. *Sily uzhasa: esse ob otrashchenii* [Powers of horror: an essay on abjection]. Sankt-Peterburg: Aleteiya. (in Russ.)

9. Kurennoy, V.A., 2014. *Polemika professionalov: konkurentsia i oproverzhenie issledovatel'skikh programm v sovremennoy filosofii* [Polemic of professionals: competition and refutation of research programs in modern philosophy], *Logos*, no. 4, pp. 106-146. (in Russ.)

10. Oizerman, T.I., 1999. *Filosofiya kak istoriya filosofii* [Philosophy as a history of philosophy]. Sankt-Peterburg: Aleteiya. (in Russ.)

11. Prosvetov, S.Yu., 2012. *Metodologicheskie aspekty metateoreticheskoi interpretatsii istorii filosofii* [Methodological aspects of metatheoretical interpretation of the history of philosophy], *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 14, pp. 19-23. (in Russ.)

12. Prosvetov, S.Yu., 2013. *Sotsiokul'turnaya interpretatsiya logiki razvitiya istoriko-filosofskogo protsessa* [Sociocultural interpretation

of the logic of development of the history of philosophy], *Obshchestvo i pravo*, no. 1, pp. 242-245. (in Russ.)

13. Prosvetov, S.Yu., 2013. *Struktura istoriko-filosofskoy paradigmy* [The structure of the history of philosophy paradigm], *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, Vol. 1, no. 2, pp. 234-238. (in Russ.)

14. Fomin, K.A., 2015. *Transformatsiya kontseptsii traditsii v estetike poststrukturalizma (Yu. Kristeva, R. Bart)* [Transformation of the concept of tradition in the aesthetics of poststructuralism (J. Kristeva, R. Bart)], *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki*, no. 3, pp. 84-96. (in Russ.)